

ВОСПОМИНАНІЯ О ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ.

(Окончаніе. ¹⁾).

VIII.

Командировка въ С. Стефано.—Босфоръ.—Константинополь. Встрѣча съ отцомъ и братьями.—Переводъ въ полевой штабъ арміи.—Политическое положеніе.—Требованія Петербурга.—Назначеніе генералъ-адъютанта Тотлебена главнокомандующимъ.—Отъѣздъ Великаго Князя изъ арміи.—С. Стефано. Мои новые сослуживцы.—Работа въ штабѣ.—Жизнь въ С. Стефано.

Недолго мнѣ случилось прожить въ Базарджикѣ. Въ половинѣ марта генералъ Циммерманъ командировалъ меня въ главную квартиру въ С. Стефано, куда она была перенесена еще 12-го фѣвраля. Отправился я на Варну и оттуда пароходомъ черезъ Босфоръ на Константинополь, проѣхавъ такимъ образомъ весь проливъ. Впервые пришлось мнѣ выйти въ море, но еще съ бѣдльшимъ интересомъ ожидалъ я увидѣть берега Босфора и Константинополь. Никакому описанію не поддается величественная картина Босфора въ ясный свѣтлый день, когда мнѣ довелось ее увидѣть. Никакое изображеніе не можетъ передать чарующей прелести его, той по истиннѣ волшебной картины, которую представляетъ понорама Босфора. Дикіе, пустынные вначалѣ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 11.

берега его, при входѣ изъ Чернаго моря, постепенно покрываются роскошной вѣчной зеленью и множествомъ дачъ, сгущающихся все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ Константинополю. Освѣщеніе береговъ удивительно хорошо, оттѣнки и переливы свѣта неподобны и сообщаютъ затѣйливымъ, роскошнымъ видамъ ихъ поразительно причудливое, разнообразное освѣщеніе. Несравненная картина эта выше всякаго представленія. Надо видѣть ее, и тогда только можно понять всю прелесть чисто сказочнаго впечатлѣнія, которое не можетъ быть сравнено ни съ чѣмъ видѣннымъ мною доселѣ.

Очарованный картиной Босфора подошелъ я къ Константинополю. Вотъ онъ Царьградъ! Панорама города сама по себѣ величественна. Широко раскинувшійся вдоль Босфора и нагроможденный амитеатромъ вокругъ Золотога Рога со множествомъ минаретовъ, стройно поднимающихся надъ нимъ, городъ представляетъ удивительно сложную, пеструю картину. Не успѣли мы бросить якорь, какъ сотни каюковъ обступили пароходъ, кша вокругъ него, какъ муравьи.

Сойдя на берегъ, я очутился на грязной улицѣ, наполненной такимъ же грязнымъ народомъ всевозможныхъ національностей.

Въ городѣ мнѣ приходилось пробыть всего два, три часа времени, и я поспѣлъ лишь взять извозчика и проѣхать по улицамъ. Затѣмъ, сѣвъ въ поѣздъ, отправился въ С. Стефано. Здѣсь состоялась встрѣча моя съ отцомъ и обоими братьями. Нечего и говорить о томъ, насколько встрѣча эта была радостна. Встрѣтилъ и многихъ товарищей.

Въ С. Стефано положеніе дѣлъ было въ то время очень неопредѣленнымъ, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за направленіемъ политическихъ отношеній и находились въ нетерпѣливомъ ожиданіи развязки всѣхъ возникшихъ политическихъ затрудненій, отъ исхода которыхъ зависѣло будущее. Общее состояніе было тяжелое, удрученное. Незвѣстность предстоящаго тяготила всѣхъ.

Политическая обстановка постоянно колебалась, мѣнялась каждый день; то дѣла повернутся какъ будто къ лучшему, то опять политическій горизонтъ заволочнется, отношенія осложнятся, нарождаются новыя затрудненія. Именно ко времени моего приѣзда положеніе дѣлъ настолько осложнилось, что разрывъ съ Англіей считался почти неизбѣжнымъ, и на мѣстѣ дѣлались всякія приготовленія къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Между про-

чемъ, Великій Князь предупредилъ отца, что, въ случаѣ разрыва, имѣеть въ виду поручить ему оборону Галиполи, противъ англійскаго флота и возможнаго съ ихъ стороны десанта, и отецъ совѣщался со мною относительно способовъ выполнения этой задачи. Прикидывали мы съ нимъ, сидя за картою, на всѣ лады разрѣшеніе задачи, при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыя предоставлялись ему въ распоряженіе.

Неопредѣленность положенія длилась долго. Англія принимала все болѣе угрожающее положеніе, избѣжать войны казалось труднымъ. Дѣлались всякія приготовленія на случай разрыва. Между главнокомандующимъ и Петербургомъ велась усиленная переписка по этому предмету. Предположенная уже въ ближайшемъ будущемъ отправка въ Россію гвардіи и гренадерскаго корпуса была отложена.

Въ Петербургѣ желали избѣжать разрыва, а стало быть и избѣгать всего того, что могло его вызвать, а между тѣмъ настоятельно требовали отъ Главнокомандующаго немедленнаго занятія, въ случаѣ разрыва, Босфора съ цѣлью предупрежденія въ немъ англійскаго флота, стоявшаго въ Мраморномъ морѣ, у Принцевыхъ острововъ, впереди С.-Стефано, и указывали на необходимость сдѣлать къ тому необходимыя приготовленія, выразившіяся въ заготовкѣ минъ для загражденія Босфора и доставки туда тяжелыхъ орудій изъ Одессы.

Ясно, что все это было совершенно не выполнимо. Во первыхъ всѣ подобныя приготовительныя мѣры неминуемо влекли бы за собою разрывъ, котораго, между тѣмъ, желали избѣжать. Съ другой стороны, это было не выполнимо, по очевидной невозможности предупредить вступленіе въ Босфоръ англійскаго флота, такъ близко расположеннаго и при условіи отсутствія у насъ всякихъ средствъ къ тому, чтобы своевременно утвердиться на берегахъ Босфора и противодѣйствовать флоту. Мы не имѣли бы времени установить на берегахъ тяжелыя орудія, а основать всю операцію на загражденіи пролива одними минами, какъ это указывалось изъ Петербурга, не имѣя своего флота, было не мыслимо; Великій Князь такъ и понималъ положеніе, а между тѣмъ въ Петербургѣ вполне вѣрили въ возможность предложенныхъ операцій и исполненія ихъ настойчиво требовали отъ Главнокомандующаго. Встрѣченныя затрудненія вызвали неудовольствіе Государя; все это породило продолжительную переписку и привело въ половинѣ апрѣля къ увольненію Великаго Князя отъ командованія арміею и

къ замѣнѣ Его генераль-адъютантомъ Тотлебеномъ. вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ штаба арміи былъ назначенъ генераль-адъютантъ кн. Имеретинскій.

Новый Главнокомандующій прибылъ въ С. Стефано 15-го апрѣля въ Страстную Субботу. 17-го числа Великій Князь изволилъ произвести парадъ собраннымъ близъ С. Стефано войскамъ, простился съ ними и отбылъ изъ арміи въ Петербургъ.

Пока столь грозно складывалась для насъ политическая обстановка, вызывавшая самыя серьезныя заботы въ Главной Квартирѣ дѣйствующей арміи и массу напряженной работы, жизнь въ С. Стефано текла самымъ мирнымъ образомъ.

С. Стефано представляетъ изъ себя небольшое мѣстечко, служащее дачнымъ мѣстомъ для жителей Константинополя, и между прочимъ для нѣкоторыхъ изъ посольствъ. Расположенное на берегу Мраморнаго моря, оно носитъ характеръ европейскихъ прибрежныхъ мѣстечекъ, имѣеть не мало вполнѣ хорошихъ зданій и достаточно благоустроено по внѣшности.

Видъ моря придаетъ всему мѣстечку особенную привлекательность. На морѣ виднѣются группы высокихъ Принцевыхъ острововъ, за которыми въ туманной дали рисуется мало-азіатскій берегъ.

Набережная и немногія улицы мѣстечка кишатъ народомъ. Наши офицеры и нижніе чины мѣшались въ одной общей толпѣ съ массой всякаго любопытнаго люда, пріѣзжаго изъ Константинополя. Греки, армяне, европейцы, турки—всѣхъ можно встрѣтить въ этой пестрой толпѣ.

Съ прибытіемъ нашихъ войскъ въ С. Стефано открылось много ресторановъ и магазиновъ. Первые были цѣлый день биткомъ набиты офицерами. Утромъ мы сходились къ завтраку во французскій ресторанъ на набережной, терасса котораго выходила къ морю. Здѣсь мы жадно накинулись на устрицы и свѣжихъ омаровъ, которыхъ уничтожали каждый день, а также на всякія деликатныя произведенія французской кухни, пришедшіяся особенно по вкусу послѣ года походной стоянки. Въ магазинахъ особенно привлекали наше вниманіе всякіе азіатскіе товары, которые нарасхватъ раскупались русскими офицерами.

Въ С. Стефано я помѣтился первоначально у моего отца, въ большомъ трехъ-этажномъ зданіи на набережной моря. Мы занимали съ нимъ большую комнату въ нижнемъ этажѣ. Въ этомъ же домѣ помѣщались генераль Левицкій съ полковникомъ Газенкампомъ и начальникъ артилеріи арміи—кн. Масальскій.

Вскорѣ послѣ моего прїѣзда мнѣ было объявлено, что меня берутъ въ полевой штабъ арміи, на мѣсто помощника старшаго адъютанта, за недостаткомъ въ немъ офицеровъ. Итакъ, служба моя въ 14-мъ корпусѣ окончилась. Не безъ грустнаго чувства раставался я со штабомъ корпуса, съ которымъ успѣлъ сжиться, а тѣмъ болѣе лично съ генераломъ Циммерманомъ, котораго глубоко уважалъ. Но казалось, что война кончена, и стало быть все равно надо было ждать какаго либо назначенія.

Въ корпусѣ я такъ уже и не вернулся; написалъ туда, чтобы мнѣ выслали въ С. Стефано мои вещи и лошадь, а повозку съ лошадью продали бы на мѣстѣ. Другую верховую лошадь я продалъ раньше. Жаль мнѣ было продавать своего коня, честно отслужившаго мнѣ весь походъ, но посылать его черезъ Варну и Константинополь боялся главнымъ образомъ потому, что грузить на пароходъ приходилось не съ пристани, а съ лодки, на что я заглазно не рѣшился. Такимъ образомъ, я обосновался въ С. Стефано и помѣстился на жительство съ моими новыми сослуживцами въ очень хорошемъ домѣ-дачѣ персидскаго посольства, выходявшемъ однимъ фасомъ на улицу, другимъ въ небольшой садъ, въ который выходилъ широкій балконъ дома.

Въ штабѣ было въ ту пору много работы, а офицеровъ полный недостатокъ; все, что было, разбрелось въ разныя стороны. Старшимъ адъютантомъ былъ въ то время подполковникъ Сахаровъ. Подполковникъ Сологубъ исполнялъ должность штабъ-офицера надъ вожатами. Капитанъ Уссаковскій послѣ болѣзни уѣхалъ въ отпускъ и уже въ армію не возвращался. И вся работа штаба легла тогда на насъ съ Сахаровымъ вдвоемъ. Впослѣдствіи, къ лѣту въ армію были присланы офицеры новаго, ускореннаго выпуска изъ академіи, и изъ числа ихъ въ полевой штабъ былъ взятъ капитанъ Сахаровъ Владиміръ, братъ Виктора Викторовича.

Не охота была и мнѣ оставаться дальше въ арміи. Весной уже сильно тянуло домой, но уѣхать считалъ неудобнымъ, при томъ неопредѣленномъ положеніи, которое все-таки еще продолжалось, да и при условіи крайняго недостатка офицеровъ генеральнаго штаба, когда принимались разныя мѣры, чтобы сохранить ихъ число. Были, между прочимъ, привлечены къ работамъ генеральнаго штаба вызванные изъ частей офицеры, проходившіе курсъ академіи и не служившіе въ генеральномъ штабѣ. Да, наконецъ, трудно было рассчитывать, чтобы въ то время и выпустили бы изъ арміи. Нечего дѣлать, надо было мириться со своимъ положеніемъ.

Съ переводомъ въ полевой штабъ я попалъ въ непосредственное подчиненіе къ генералу Левицкому, Казимиру Васильевичу, бывшему генераль-квартирмейстеромъ штаба арміи. Кромѣ работы по должности помощника старшаго адъютанта, мнѣ было поручено вести журналъ военныхъ дѣйствій, что все вмѣстѣ представляло большую работу, которою я былъ занятъ буквально цѣлые дни.

Составленіе журнала, съ которымъ я былъ связанъ все время пребыванія въ штабѣ, была работа не легкая тѣмъ болѣе, что журналъ былъ крайне запущенъ и въ послѣднее время не велся вовсе, въ высшей степени непріятная, при томъ условіи, что отъ генерала Левицаго никогда не получишь точныхъ, скольконибудь определенныхъ указаній, относительно характера работы, а погратить на него было крайне трудно. Кромѣ того, онъ никогда не имѣлъ времени заняться со мною журналомъ, прочитать составленные отдѣлы его и дать нужныя указанія, которыя я могъ бы принять къ свѣдѣнію, а держать, бывало, долго журналъ у себя и все-таки не прочтеть его. Когда же, въ послѣдствіи, послѣ моихъ настоятельныхъ просьбъ онъ его частями прочитывалъ, то случалось, все перечеркнетъ, начнетъ передѣлывать его по своему и въ этомъ видѣ возвратитъ: «Дорогой, это все не такъ, это совершенно не то. Это надо все передѣлать»,— скажетъ онъ при этомъ, но какъ передѣлать, чего онъ хочетъ, все таки не укажетъ. Начнешь все передѣлывать на другой ладъ, а это дѣло не легкое. Переименуешь всю работу, принесешь къ Казимиру Васильевичу вторично, и онъ вторично все забракуетъ, все не по немъ. Передѣлаешь въ третій разъ, опять несешь къ нему и такъ безъ конца, пока не бросишь и не станешь дѣлать по своему. Нерѣдко бывало и такъ: онъ дастъ наконецъ самъ нѣкоторыя указанія. «Ваше Превосходительство, да вѣдь Вы указываете именно такъ, какъ у меня было исполнено въ первый разъ, и Вамъ это не понравилось».

— «Не можетъ быть».

— «Да какъ же не можетъ быть, вотъ посмотрите» и начнешь ему читать работу въ первоначальномъ ея видѣ.

«Да, виноватъ, это совершенно вѣрно. Такъ вотъ и продолжайте».

Не легко было служить съ Левицкимъ. Человѣкъ онъ былъ безпокойный, суетливый, раздражительный, заносчивый, при этомъ крайне разсѣянный и забывчивый, человѣкъ сухой, безъ скольконибудь участливаго отношенія къ подчиненнымъ и никогда не

умѣлъ сообразить своихъ требованій со временемъ, даннымъ на исполненіе ихъ. Всѣмъ этимъ Казиміръ Васильевичъ положительно отталкивалъ отъ себя подчиненныхъ и никогда не могъ расположить ихъ къ себѣ.

Непосредственнымъ моимъ начальникомъ былъ Викторъ Викторовичъ Сахаровъ, старшій адъютантъ штаба, у котораго я состоялъ помощникомъ. Это былъ достойный человекъ, прекрасный товарищъ, съ которымъ я сохранилъ на всю жизнь самыя лучшія отношенія. Человекъ способный, дѣльный работникъ, въ работѣ котораго отличительную черту составляла всегда простота рѣшеній. Не скажу, чтобы онъ былъ очень ретивъ; лишней работы онъ на себя не бралъ, ограничиваясь строго необходимымъ, но за то, что дѣлалъ, то дѣлалъ легко, основательно и безъ промаха, за всѣмъ тѣмъ онъ былъ человекъ прямой, добраго сердца, снисходителенъ къ другимъ, находчивый, съ большимъ остроуміемъ, юморомъ и необыкновенной способности подмѣтить слабую сторону въ каждомъ, подтрунить надъ ней, а также копировать другихъ. Свободное время не прочь былъ проводить въ компаніи товарищей, поговорить, посмѣяться, пображничать, поразвлечься гдѣ нибудь въ веселомъ мѣстѣ. Я весьма уважалъ Виктора Викторовича, былъ сердечно преданъ ему, и какъ невыразимо больно было потерять его, когда два года назадъ онъ палъ отъ руки убійцы жертвою революціи. Миръ праху твоему, честный товарищ!

Такова была моя новая служебная обстановка.

Будучи цѣлый день заняты, вечера мы проводили обыкновенно, съ наступленіемъ теплаго времени, въ кафе-шантанѣ «Конкордія», открывшемся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ саду того дома, гдѣ жилъ мой отецъ, до отъѣзда съ Великимъ Княземъ въ Петербургъ. Подобное сосѣдство заставило генерала Левицкаго, помѣщавшагося въ томъ же домѣ, бѣжать изъ квартиры, такъ какъ съ вечера въ саду раздавалась музыка, не дававшая ему заниматься. Обстоятельство это было между прочимъ воспѣто въ высокоталантливомъ произведеніи М. А. Хитрово «Стефаніада».

Хитрово состоялъ при Главнокомандующемъ въ качествѣ завѣдующаго дипломатическою частью, и онъ написалъ съ большимъ искусствомъ и юморомъ длинное стихотвореніе, въ которомъ описывалъ жизнь Главной квартиры за весь походъ, начиная со времени, проведеннаго въ Кишиневѣ. На страницахъ, посвященныхъ пребыванію въ С. Стефано, между прочимъ, говорится, какъ Казиміръ Левицкій проводитъ за работой цѣлые дни у себя въ кабинетѣ

въ соображеніи плана предстоящихъ дѣйствій, одинъ докладъ идетъ за другимъ.

«Съ утра смѣняются чредою
Гершельманъ, Кантакузенъ и Эккъ

.....».

Планъ выработанъ, Левицкій, увлекаясь въ мечтахъ своихъ заносится дальше.

«И вотъ рѣшилъ, еще займется,
Готовъ разить ужъ цѣлый міръ,
И вдругъ изъ сада раздается:
Finissez, finissez, Casimir».

Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось это высоко характерное и художественное произведеніе Хитрово.

Конкордія весьма охотно посѣщалась офицерами и привлекала къ себѣ ежедневно большое общество. Тамъ была музыка, буфетъ и открытая сцена, передъ которой мы сидѣли за маленькими столиками.

Вечера проводились тамъ весело, шумно и были исполнены всякихъ забавъ. Коменданту С.-Стефано генераль-маіору Бремзену стоило иногда не малыхъ трудовъ привести къ порядку расходившуюся публику.

Въ Маѣ открылась итальянская опера, устроившаяся въ большомъ для того построенномъ баракѣ. Опера была при нѣкоторой снисходительности порядочна для временной обстановки ея. Въ С.-Стефано ничего большаго нельзя было и требовать.

На городской площади открылось много лавокъ и ресторановъ, послѣдніе получили Петербургскія наименованія, начертанныя на вывѣскахъ: Елисеѣвъ, Смуровъ и т. п. и усердно посѣщались съѣхавшимися съ окрестныхъ биваковъ офицерами, у которыхъ за походомъ скопились лишнія деньги.

Въ С.-Стефано встрѣтилъ я много знакомыхъ изъ числа офицеровъ гвардейскаго корпуса, расположеннаго въ окрестностяхъ города, товарищей по гвардейской конной артиллеріи и офицеровъ генеральнаго штаба, въ томъ числѣ полковниковъ: Фрезе, Пузыревскаго, Кублицкаго, Скугаревскаго, Тихменева, капитановъ: Каменскаго, Протопопова, Энгельгардта и другихъ. Часто всѣ они сходились къ намъ для бесѣдъ, а по вечерамъ обыкновенно проводили время въ саду.

Встрѣтился также съ генераломъ Бреверномъ, съ которымъ иногда вмѣстѣ завтракали, причѣмъ онъ ѣлъ очень мало, жалуюсь

на сильный катарръ желудка, но пилъ при этомъ свой обычный красный портвейнъ исправно и послѣ завтрака забавлялся коньякомъ, который пилъ не въ мѣру. Здоровье его было уже значительно разстроено невоздержанностью, отъ которой мнѣ приходилось его не разъ останавливать, но онъ не слушалъ и скоро поплатился за это.

Ординарцемъ у Бреверна состоялъ мой товарищъ по батарее и лучший другъ штабсъ-капитанъ Глазенапъ, къ нему прїѣзжала въ С.-Стефано, между прочимъ, на нѣсколько дней жена его Екатерина Платоновна, тоже мой старый другъ, съ которымъ было много общихъ воспоминаній въ прошломъ, пережитомъ въ Петербургѣ въ годы безпечной юности, и повидаться съ нею я былъ особенно радъ. Хорошо провели мы эти нѣсколько дней вмѣстѣ, послѣ чего она уѣхала обратно въ Россію.

8-го апрѣля привелось между прочимъ впервые испытать землетрясеніе и при томъ весьма сильные удары. Сидѣлъ я, помню, съ Глазенапомъ и еще съ кѣмъ то на квартирѣ отца. Около 9 часовъ вечера послышался глухой гулъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣны дома ясно накренились съ нѣкоторымъ трескомъ въ одну сторону, потомъ отшатнулись въ другую, послѣ чего почувствовался одинъ, другой толчекъ вверхъ. Мы выскочили изъ дому на набережную. Здѣсь стоялъ какой-то обозъ, и многія лошади попадали. Море волновалось въ тихую погоду, въ воздухѣ чувствовалась духота. На улицѣ былъ общій переполохъ.

Ничего, кажется, не можетъ быть отвратительнѣе ощущенія, которое испытываешь при землетрясеніи. Впослѣдствіи мнѣ случилось испытать его еще не разъ на Кавказѣ. Сознаніе, что сама твердыня подъ тобою колыхается, измѣняетъ тебѣ, являетъ какой то безотчетный страхъ, паника охватываетъ все существо, чувствуешь какую то полную беспомощность, подавленность и сильное нервное потрясеніе. Все что было только живого въ С.-Стефано, все высыпало на улицу. Всѣ находились въ одинаково растерянномъ, напряженномъ состояніи.

На телеграфѣ было получено увѣдомленіе изъ Константинополя, что часа черезъ два ударъ повторится, еще съ большею силою. Что тутъ дѣлать. Въ домъ входить не хочется, оставаться на улицѣ тоже смѣшно. Рѣшили вытащить изъ ресторановъ столы на площадь и тутъ принялись за ужинъ. Ужинали долго, и второго удара изъ нашей кампаніи уже никто не замѣтилъ, хотя онъ въ дѣйствительности повторился раза два, но въ болѣе слабой сте-

пени. Ужасное, ни съ чѣмъ несравнимое чувство производить землетрясеніе.

Такъ проходили дни въ С.-Стефано.

Неопредѣленность положенія между тѣмъ угнетала больше и больше. Тоска однообразной жизни начинала надоѣдать; тянуло домой все сильнѣе и сильнѣе. Съ наступленіемъ жары удрученное состояніе еще усилилось; охватила какая то лѣнь, подобная той, которую испытывалъ въ прошломъ году за время бездѣльнаго житья въ Черноводахъ, и въ воспоминаніи о которой осталось все-таки много хорошаго.

Постоянно гадая о томъ, когда то удастся попасть домой, я былъ озабоченъ устройствомъ дальнѣйшей службы своей. Дорожа продолжать службу въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, на что я имѣлъ право по старшинству выпуска изъ академіи, я затѣялъ переписку со штабомъ гвардейскаго корпуса, и съ начальникомъ академіи, только что назначеннымъ на должность, генераломъ Драгомировымъ и заручился согласіемъ на мое назначеніе въ Петербургскій округъ.

Во второй половинѣ іюня меня посылали въ командировку для осмотра и выбора дорогъ между Чоталджей, Чарлу и Силиври на случай отступленія арміи отъ Константинополя. Командировка эта не легкая и потребовала много труда въ теченіе полутора недѣль, проведенныхъ въ сѣдлѣ, въ знойные лѣтніе дни. Поѣхалъ я на новой лошади, прибрѣтенной въ С.-Стефано. Обрекогноспировавъ на большомъ пространствѣ дороги, я составилъ кроки маршрута. Въ С.-Стефано вернулся 2-го іюля.

IX.

Переговоры о сдачѣ крѣпостей.—Поѣздка въ Константинополь.—Сдача Варны.—Начало отправки войскъ въ Россію.—Беспорядки въ Родопскихъ горахъ.—Новыя политическія осложненія.—Прекращеніе эвакуаціи арміи.—Ототупленіе къ Адрианополю.

Полная неизвѣстность будущаго продолжала по прежнему тяготить насъ. Къ лѣту общее политическое положеніе улучшилось, по крайней мѣрѣ острый фазисъ его прошелъ, но надежды на отправку войскъ постоянно сдерживались все новыми и новыми затрудненіями. Въ послѣднее время, въ концѣ іюля, шли безконечные переговоры съ турками по поводу очищенія ими крѣпостей Шумлы и въ особенности Варны, которую турки медлили сдавать, и оттягивали это подъ всевозможными предлогами, представляя

разные уклончивые отвѣты и оправданія. То дѣло двинется впередъ, то вновь затормозится, опять переговоры, опять затяжка. Вся остановка была за Варной. Наконецъ, къ концу іюля, при помощи нѣкоторыхъ репрессивныхъ мѣръ мы привели турокъ къ рѣшенію сдать намъ главные форты крѣпости и часть крѣпостной ограды. 26-го іюля войска 14-го корпуса выступили изъ Базарджика въ Варну, куда вступили вечеромъ 27-го числа. Генераль Столыпинъ, которому былъ порученъ пріемъ Шумлы и Варны, уже вѣхалъ въ Варну раньше со своимъ конвоемъ. А тѣмъ временемъ мы все по старому изнывали въ ожиданіи и испытывали ту же невыразимую тоску, тоску, которая порождается бездѣльемъ или, лучше сказать, непроизводительностью работы. Готовились къ посадкѣ войскъ на суда, но пока дѣло только на этихъ приготовленіяхъ и оставалось.

Только объ одномъ и думаешь, одного и желаешь, какъ бы скорѣе все это кончилось, да ѣхать бы домой. Вотъ уже и лѣто близится къ концу, а мы въ томъ же состояніи неизвѣстности, постоянныхъ колебаній, въ которомъ встрѣтили и весну. Ничего опредѣленнаго нѣтъ, живешь однѣми надеждами, въ однихъ предположеніяхъ. Работы по штабу стало меньше, чѣмъ было прежде. Моя работа по веденію дневника хотя и уменьшилась за общимъ затихшемъ и исполненіемъ запущеннаго, но все-таки была постоянною, докучною работою и съ наступленіемъ расслабляющей жары, убивающей всякую способность думать, упадкомъ энергіи, рѣшительно не чувствуешь себя въ силахъ заниматься съ тою настойчивостью, съ которою бы слѣдовало; самъ вполне сознаешь это, но какая то общая расслабленность, какая то непреодолимая лѣнь съ каждымъ днемъ охватывали больше и больше.

Такъ тянулся день за днемъ, ничего не принося новаго, интереснаго. Томительно влачишь, бывало, день и только вечеромъ немного оживешь, выйдя на улицу, когда единственно представлялась возможность вздохнуть, освѣжиться.

За время пребыванія въ С.-Стефано раза два или три побывалъ въ Константинополѣ.

Городъ раскинутъ на берегу Босфора и Мраморнаго моря, на нѣсколькихъ холмахъ. Золотой Рогъ дѣлитъ его на двѣ части: южную-азиатскую—Стамбуль старый городъ и сѣверную-европейскую—Цера. Городъ разбитъ на нѣсколько кварталовъ съ ихъ обособленнымъ населеніемъ: Фаноръ, населенный зажиточными греками, Балата съ европейскимъ населеніемъ въ старомъ городѣ;

Галата по сѣверному берегу Золотого Рога, близъ Босфора, населенная преимущественно итальянцами. Надъ Галатой возвышается амфитеатромъ Пера. Вдоль Босфора вытянулись населенныя турками предмѣстья съ султанскими дворцами Дольма-Бахче, Черанганъ и Илдизъ-Кіоскъ. На азіатскомъ берегу Босфора раскинулся кварталъ Скутари.

Стамбуль, а равно Галата, примыкающая къ Золотому Рогу, кварталы сѣверной части города, имѣютъ вполнѣ восточный характеръ съ грязными, узкими улицами, окаймленными домами азіатской постройки. Улицы запружены народомъ всевозможной національности. По случаю войны стеченіе публики въ городѣ было громадное. Мечети были заняты массою бѣглецовъ, спасавшихся при нашемъ наступленіи въ Стамбуль, и эта голодная, пораженная всякими болѣзнями, толпа наполняла городъ, развивая грязь и заразу. Несмѣтное число назойливыхъ нищихъ обступало на улицахъ. Общая грязь составляетъ характерную черту этой части города.

Въ Стамбуль помѣщаются всѣ историческія памятники: Сераль—старый, султанскій дворецъ; высокая Порта—помѣщеніе министерствъ, Сераскеріатъ—домъ военнаго министерства, базаръ, Ай-Софія—главная мечеть—бывшій храмъ св. Софіи, и многія другія мечети съ ихъ граціозными минаретами.

Пера—европейская часть города, или новый городъ, значительно разнится со Стамбуломъ. Пера имѣетъ европейскій видъ, магазины, гостинницы и уличная жизнь—европейскія; на улицахъ чисто. Главная улица Перы круто спускается къ Золотому Рогу, на спускъ экипажной ѣзды нѣтъ, а сообщеніе съ Галатой происходитъ по кружнымъ улицамъ, а также тоннелемъ, по которому проходитъ желѣзная дорога. Черезъ Золотой Рогъ перекинута три моста.

Въ Перѣ имѣлось нѣсколько ресторановъ, театровъ, и давалось много всякихъ представленій, преимущественно безнравственнаго содержанія, которыя, однако, не мало посѣщались. Здѣсь же встрѣтился я вновь съ венгерскимъ хоромъ Шарлотты, бывшимъ въ Браиловѣ и перекочевавшимъ теперь сюда изъ Меджидіе и Базарджика.

Не скажу, чтобы знакомство съ Константинополемъ въ общемъ производило бы въ то время, по крайней мѣрѣ, хорошее впечатлѣніе.

Въ послѣднихъ числахъ іюля ожидалось вступленіе нашихъ войскъ въ Варну, чѣмъ опредѣлялось начало отправки войскъ на

родину. Постройка пристаней, сборъ судовъ, по нашимъ расчетамъ, позволили бы начать правильную эвакуацію между 10-го и 15-го августа. Полевой штабъ предполагалось отправить съ послѣднимъ эшелонѣмъ Гренадерскаго корпуса, т. е. послѣ отправки Гвардейскаго, 8-го, Гренадерскаго корпусовъ—съ 26-й дивизіею, т. е. примѣрно въ концѣ сентября. На оккупацію было предназначено оставить 4 и 9 корпуса.

6-го августа офицеры Гвардейской конной артилеріи, пользуясь тѣмъ, что три батареи собрались въ окрестностяхъ С.-Стефано, дѣлали прощальный обѣдъ по случаю моего ухода изъ бригады. Обѣдъ состоялся въ саду дома, въ которомъ я жилъ, въ пустой оранжереѣ и на всю жизнь оставилъ во мнѣ самое отрадное воспоминаніе. Грустна была идея разлуки съ товарищами, съ бригадой, съ которой сроднился, въ которой пережилъ первые, лучшіе годы моего офицерства, моей самостоятельной жизни, къ которой такъ горячо привязался за время службы въ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ на обѣдѣ этомъ, какъ со стороны офицеровъ, такъ и со стороны командира бригады, генерала Бреверна мнѣ было выказано столько сердечнаго расположенія, столько теплыхъ чувствъ, что на время заглушили грустное сознаніе предстоящей разлуки. Отъ М. И. Бреверна мнѣ опять-таки попало при этомъ случаѣ за то, что я покинулъ бригаду, и онъ тутъ же предложилъ мнѣ принять 6-ую л.-гв. Донскую батарею и, получивъ, конечно, мое на это согласіе, обѣщаль мнѣ это устроить въ ближайшемъ будущемъ.

9-го числа началась, наконецъ, посадка войскъ на суда и отправка въ Одессу Гвардейскаго корпуса. При этомъ случаѣ я въ С.-Стефано встрѣтился опять съ Ф. В. Дубасовымъ, который въ то время командовалъ крейсеромъ Россія, съ которымъ приходилъ перевозить войска. Несказанно радъ былъ провести съ нимъ нѣсколько вечеровъ.

22-го августа получилось глубоко опечалившее меня извѣстіе о смерти Магнуса Ивановича Бреверна, который вслѣдъ за отъѣздомъ изъ Турціи скончался 21-го числа въ Одессѣ отъ воспаленія кишекъ, заболѣвъ на пароходѣ. Я очень былъ привязанъ къ нему особенно въ послѣднее время, послѣ выхода моего изъ бригады, когда онъ выказалъ мнѣ столько дружелюбнаго расположенія, такъ что кончина его составила для меня большую потерю.

И такъ отправка войскъ уже началась, а между тѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Родопскихъ горахъ разгорѣлись вновь беспорядки, которые повліяли на дальнѣйшую судьбу нашей арміи и, въ связи

съ новыми политическими затрудненіями, задержали эвакуацію ея.

Первый разъ безпорядки проявились тамъ еще весною. Безпорядки эти были искусственно раздуты, имъ придано съ самаго начала преувеличенное значеніе возстанія, котораго они никогда не имѣли. Безпорядки въ Родопѣ послужили самостоятельнымъ осложненіемъ положенія. Исторія ихъ слѣдующая:

Весною, какъ сказано, безпорядки въ Родопскихъ горахъ проявились первично. Въ ту пору ихъ поддерживали англійскіе и турецкіе эмисары, но въ то же время съ самаго начала ихъ они еще больше раздувались нами самими. Они служили хорошимъ предлогомъ для обрисовки общаго положенія дѣлъ на столько серьезнымъ, что оно вызывало особыя мѣропріятія для подавленія воображаемаго возстанія. А въ дѣйствительности никакого тамъ возстанія не было, и всѣ оживленные толки о возстаніи въ Родопѣ были сущимъ вымысломъ. Если весною безпорядки быстро развивались и охватили собою большое пространство, то это единственно потому, что съ нашей стороны въ виду ожидавшагося открытія конгресса, не были приняты своевременно энергичныя мѣры, впослѣдствіи же, когда по этой причинѣ воображаемое возстаніе имѣло возможность свободно разыгаться на полномъ просторѣ, оно было подавлено съ перваго же раза всего тремя полками пѣхоты на всемъ обширномъ пространствѣ, которое успѣло охватить. Тѣмъ все дѣло и кончилось.

Послѣ того мы неоднократно старались рисовать картину новаго родопскаго возстанія, но какъ на грѣхъ возстаніе это оставалось только въ нашемъ воображеніи, не осуществляясь на дѣлѣ.

Да иначе и быть не могло. Возстаніе только тогда возможно и опасно, когда есть идея этого возстанія, какъ то было въ польскомъ возстаніи, въ греческомъ возстаніи 1821 года. Въ Родопѣ же никакой идеи возстанія не было. Для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило въ Родопскихъ горахъ, надо вспомнить, что совершалось въ южной Болгаріи, когда наша армія, прорвавшись сквозь Балканы, ураганомъ пронеслась по всей Румелии и остановилась передъ Константинополемъ. Массы мусульманскаго населенія края, охваченныя паникой, бросали все, что у нихъ было, и бѣжали передъ нашими войсками. Для того, чтобы скорѣй укрыться, имъ надлежало естественно свернуть въ сторону. Такъ они и сдѣлали. Чтобы вырваться изъ этого общаго бѣшеннаго потока къ Константинополю, они свернули на югъ и попали такимъ образомъ въ страну Родопскихъ горъ, которая дикостью своей при-

роды могла еще надежнѣе ихъ укрыть. Такимъ образомъ, въ Родопѣ собралась масса пришлаго населенія, покинувшаго свой дома и ничего съ собою не имѣвшаго. Естественно, что въ ней проявился съ самаго начала голодь. А выходъ изъ этого положенія очень простой, единственный и опять-таки естественный—грабежъ.

Мало-по-малу начали формироваться шайки, и съ этого получило начало все пресловутое возстаніе.

Къ сказанному надо прибавить, что въ самомъ началѣ его болгары, упоенные чувствомъ свободы, начали мстить туркамъ за всѣ насилія, тяготѣвшія надъ ними прежде, и предались грабежу мусульманскихъ сель, что вызвало со стороны турокъ такой же отвѣтъ. Вотъ начало Родопскаго возстанія. Ясно, что это было не возстаніе, а безпорядки, вызванные общимъ грабежомъ.

Повторяю, что возстаніе, не имѣющее никакой идеи, не можетъ зародиться, а тѣмъ болѣе получить серьезный характеръ. Здѣсь же, какъ видно, побужденіемъ къ безпорядкамъ былъ голодь и нищета, а не какая либо идея, связывающая все дѣло возстанія и руководящая каждымъ изъ возставшихъ. Разъ что ея нѣтъ, то всякое даже наружное побужденіе, которое было въ данномъ случаѣ со стороны эмиссаровъ англійскаго и турецкаго правительствъ, можетъ лишь поддержать безпорядки, продлить ихъ, но не въ состояніи имъ сообщить духа возстанія, не въ состояніи оказать нравственной, существенной поддержки. Возстаніе безъ идеи его не можетъ созрѣть до степени, представляющей серьезную опасность. Вотъ обстановка этого дѣла. Нельзя не признать, что безпорядкамъ въ Родопскихъ горахъ, вполне естественнымъ, придано было слишкомъ раздутое значеніе, которое привело въ августѣ къ слѣдствію международной комисіи о причинахъ бѣгства жителей и возстанія. Мнѣ было поручено сдѣлать выписку изъ протоколовъ этой комисіи претензій и жалобъ на раззореніе и самоуправство, произведенныя нашими войсками, и подготовить дальнѣйшую переписку по этому предмету съ войсковыми начальниками. Это порученіе дало возможность близко ознакомиться съ этимъ дѣломъ. Трудно вообразить себѣ ту клевету, которая была возведена при этомъ случаѣ на наши войска. Комисія заносила въ протоколы показанія о самыхъ безчеловѣчныхъ поступкахъ нашихъ солдатъ. Обвиненія эти были столь очевидно вымышлены, а самое слѣдствіе произведено настолько неосновательно и поверхностно, что представители нѣкоторыхъ державъ даже отказались подписать протоколъ. Это дѣло

было глубоко для насъ оскорбительно. Вотъ вся исторія Родопскаго, какъ его громко прозвали, возстанія.

Конецъ августа я былъ опять не мало занятъ. Кромѣ моей постоянной работы по составленію журнала, который теперь сводился къ отчету о командованіи арміей генераль-адъютантомъ Тотлебеномъ, я имѣлъ на рукахъ сказанное сейчасъ слѣдственное дѣло о Родопскихъ беспорядкахъ, и кромѣ того генераль Левицкій, часто освѣдомлявшійся у меня лично и черезъ Сахарова о ходѣ моей работы, въ то же время постоянно отвлекалъ меня отъ нея. Такъ, мнѣ нѣсколько разъ поручалось наблюдать за посадкою войскъ на суда на С.-Стефанскихъ пристаняхъ, вмѣсто офицера постоянно этимъ дѣломъ завѣдывавшаго. Посадилъ я Семеновскій и Измаиловскій полки. Эта работа не веселенькая. Начинать ее въ 5 часовъ утра и уходилъ съ пристани въ 7 часовъ вечера. На грѣхъ выпали на мою долю такіе хорошіе дни, что я совершенно опалился, проведя цѣлый день на солнцѣ. Суда стояли на рейдѣ, войска подвозились къ нимъ на баржахъ и лодкахъ. Одинъ изъ дней была сильная волна, и, когда вечеромъ, окончивъ погрузку, я поѣхалъ на лодкѣ на пароходъ, чтобы передать необходимыя бумаги, получить квитанцію, и отпустить пароходъ, я съ трудомъ могъ попасть на него и быть снятымъ обратно. На высокой бортъ парохода пришлось взбираться по веревочному концу, такъ какъ къ трапу нельзя было пристать, а лодку подо мной тѣмъ временемъ откинуло въ сторону, такъ что я повисъ надъ морской пучиною, пока меня не подняли. Съ неменьшимъ затрудненіемъ я былъ переданъ обратно въ лодку.

Въ концѣ августа окончилась отправка Гвардейскаго корпуса, и стали грузиться на суда въ разныхъ пунктахъ 8-й корпусъ, Гренадерскій, стрѣлковая бригада и 26-я дивизія.

Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца началъ, наконецъ, выясняться давно интересовавшій насъ вопросъ о времени отъѣзда.

Предположено было около 7-го сентября покинуть С.-Стефано, причемъ всѣ полевые управленія должны были отправиться въ Варну. Часть же ихъ и въ томъ числѣ строевое отдѣленіе штаба предназначались ѣхать въ Адрианополь. Пробывъ нѣкоторое время въ этомъ пунктѣ, главнокомандующій собирался предпринять поѣздки черезъ Шипку въ Руцукъ и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Шумлу и Варну, съ цѣлью осмотрѣть всѣ эти пункты. Съ нимъ должны были слѣдовать нѣсколько человекъ, остальные изъ Адрианополя направиться прямо въ Варну и тамъ выждать пріѣзда Главно-

командующаго съ тѣмъ, чтобы отбыть въ Россію, что предполагалось въ первыхъ числахъ октября.

Надежда скоро покинуть С.-Стефано и возвратиться домой невыразимо радовала насъ. Но увы, все это были одни радужныя надежды, которымъ, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ не суждено было осуществиться. Всѣ наши предположенія рухнули вслѣдствіе какихъ то новыхъ политическихъ затрудненій, какъ представлялось, больше кажущихся, чѣмъ дѣйствительныхъ.

9-го сентября намъ было назначено отправиться въ Адріанополь на неопредѣленное время. Туда же потянулись и войска изъ подъ Константинополя. Отправка войскъ въ Россію была пріостановлена. Главнокомандующій былъ вызванъ Государемъ въ Ливадію, предполагалъ пробыть тамъ 3 дня и оттуда вернуться въ Адріанополь.

И такъ, вмѣсто возвращенія на родину, передвиженіе въ Адріанополь. Разочарованіе полное, которое очень тяжело отозвалось на всѣхъ насъ и какъ то надорвало эмергію и охоту къ дѣлу.

Передъ отъѣздомъ я побывалъ еще разъ въ Константинополь, гдѣ провелъ три дня.

Главнокомандующій выѣхалъ въ Ливадію переговорить по поводу новыхъ рѣшеній, принятыхъ относительно оккупации. Рѣшено было оставить вмѣсто двухъ корпусовъ, какъ это предполагалось раньше,—пять.

Х.

Передвиженіе арміи и полевого штаба въ Адріанополь.—Рѣшеніе оставить всю армію на оккупации.—Жизнь въ Адріанополь.—Бездѣлье.—Пріѣздъ иностранныхъ офицеровъ.—Поѣздка въ отпускъ.—Отъѣздъ въ Россію.

Съ чувствомъ глубокаго огорченія сѣли мы въ вагоны и двинулись въ путь. Пріѣхали въ Адріанополь вечеромъ и, пославъ денщиковъ съ вещами устраивать новыя квартиры наши, мы всей компаніей отправились въ городъ поѣсть и провести гдѣ-нибудь время. Попали въ «армянскій театръ», помѣщавшійся въ саду на открытой сценѣ. Тамъ провели мы первый вечеръ и пріѣхали домой уже поздно.

Помѣщенія намъ были отведены въ турецкомъ кварталѣ города, гдѣ былъ приготовленъ домъ и Главнокомандующему. Мы, штабные офицеры, заняли домъ, состоящій изъ весьма большой первой комнаты, посрединѣ которой имѣлся бассейнъ съ фонтаномъ, и въ нее выходили двери изъ отдѣльныхъ смежныхъ комнатъ,

одну изъ нихъ занялъ Викторъ Викторовичъ Сахаровъ съ братомъ, въ другой помѣстился Василій Устиновичъ Сологубъ со мною. Комнаты эти по величинѣ своей скорѣе напоминали сарай, холодныя, съ большими щелями въ полу и въ стѣнахъ. Къ тому же домъ нашъ былъ далеко отъ центра города. По боковымъ стѣнамъ комнаты устали мы свои походныя постели, устроили себѣ два рабочихъ стола, раздобыли четыре стула, и квартира была готова.

19-го числа возвратился генераль-адъютантъ Тотлебенъ, пріѣзда котораго мы нетерпѣливо ожидали для выясненія обстановки. Съ прибытіемъ Главнокомандующаго стало извѣстнымъ, что мы остаемся въ Турціи на совершенно неопредѣленное время, во всякомъ случаѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. На чемъ это рѣшеніе было основано, чѣмъ оно вызвано, отвѣтить на эти вопросы никто изъ насъ рѣшительно не могъ. Положеніе дѣлъ для насъ было совершенно загадочнымъ. Дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило въ послѣднее время, было затруднительно. Вотъ, почему мы всѣ, отъ мала до велика, относились ко всему съ полнымъ недовѣріемъ, во всемъ усматривали какую-то маску. Все, что происходило, мотивировалось неизвѣстностью политической обстановки, другихъ болѣе осязательныхъ причинъ по нашему взгляду положительно не было, и всѣ рѣшенія мы склонны были объяснять даже исключительно нежеланіемъ Главнокомандующаго разстаться съ властью, съ положеніемъ.

Поѣздка въ Ливадію насъ окончательно сбила съ толку. Мы возлагали на нее нѣкоторыя надежды, а между тѣмъ тамъ, повидимому, не встрѣтилось ни слова противорѣчія. Напротивъ того, полная готовность помочь и деньгами, и войсками.

Рѣшеніе оставить армію въ Турціи на неопредѣленное время наводило, однако, и на предположеніе какихъ-либо совершенно новыхъ видовъ нашего правительства, новыхъ политическихъ комбинацій. Въ чемъ онѣ состояли, намъ не было извѣстно, но, конечно, такое рѣшеніе было въ связи съ современнымъ политическимъ положеніемъ, съ ходомъ дѣлъ на Берлинскомъ конгрессѣ, съ ненадежнымъ и двуличнымъ отношеніемъ Австріи, съ интересами Босніи и Албаніи, ближайшая же обстановка, бывшая у насъ на глазахъ, вовсе не вызывала такого рѣшенія. Подтвержденіе этихъ предположеній можно было усмотрѣть еще въ томъ обстоятельстве, что на обратномъ пути по пріѣздѣ изъ Бургаса въ Ямболъ (на лошадахъ), Главнокомандующій говорилъ болгарамъ, при-

вѣтствовавшимъ его на всемъ пути, что они не забыты, чтобы они не падали духомъ, что ихъ дѣло будетъ доведено до конца и т. п.

Съ отступленіемъ арміи къ Адрианополю, въ окрестностяхъ его сосредоточилось четыре корпуса. Туда же былъ притянуть и 14-й корпусъ. Адрианополь было рѣшено занимать до окончательнаго подписанія турками мирнаго договора, т. е. до выполненія ими тѣхъ его условій, въ разбирательство которыхъ Берлинскій конгрессъ вовсе не входилъ, предоставивъ дѣло обоюдному соглашенію сторонъ.

Что касается турокъ и турецкой арміи, то они дѣятельно занимались все время реорганизаціею ея. Между Адрианополемъ и Константинополемъ оставалось не болѣе 40—50 тысячъ, да въ Галиполи 35 тыс., стало быть всего противъ насъ было 70—80 тысячъ, все остальное турки въ то время направили въ Салоники, и оттуда на боснійскую и греческую границу.

По сосредоточеніи арміи къ Адрианополю, этотъ послѣдній началъ приводиться нами въ сильное оборонительное состояніе возведеніемъ вокругъ города цѣлаго укрѣпленнаго лагеря. Мѣра эта, повидимому, не была вызвана обстоятельствами, такъ какъ не оправдывалась ни мифическимъ противникомъ, ни, тѣмъ болѣе, воображаемымъ родопскимъ возстаніемъ, которому все еще придавалось преувеличенное значеніе. Все это наводило на мысль о существованіи какой-то скрытой, намъ неизвѣстной, причины.

22-го сентября случилась новая бѣда. Турецкій военный министръ, какъ говорили, прислалъ Главнокомандующему письмо, въ которомъ просилъ, чтобы Адрианополь, Филиппополь и Татаръ-Базарджикъ были нами очищены и чтобы турецкія войска были допущены занять эти пункты. На письмо отвѣтили, что это совершенно противорѣчитъ постановленіямъ конгресса. Въ то же время послана телеграма, чтобы 13-й корпусъ, бывший въ сѣверной Болгаріи, спѣшилъ къ Адрианополю.

Между тѣмъ, какъ оказалось, въ этомъ письмѣ Мустафа-паша писалъ, что, согласно просьбѣ Главнокомандующаго направить турецкія войска въ промежутокъ между Родопскими инсургентами и нами, для того, чтобы прикрыть съ этой стороны отступление нашихъ войскъ, онъ проситъ разрѣшенія занять Хаскюй, Филиппополь и другіе пункты.

Вѣроятно, Главнокомандующій просилъ Порту занять долину Орды и этимъ разъединить наши войска съ инсургентами, но такъ какъ долина Орды была ими уже занята, то для сказаннаго разъединенія турки считали нужнымъ стать между Ордою и Марицею.

Словомъ, въ этомъ случаѣ произошло просто какое-то недоразумѣніе, которое вызвало у насъ новое безпокойство, и 13-й корпусъ спѣшилъ къ Адрианополю.

Съ тоскливымъ и раздраженнымъ чувствомъ водворились мы въ Адрианополь на зиму, когда послѣднія надежды на скорое возвращеніе домой рухнули. Но нечего дѣлать, надо было мириться съ своею судьбою.

Вырваться изъ арміи, очевидно, было невозможно. Сахаровъ и Сологубъ, назначенные въ штабъ гвардейскаго корпуса, просили, было, чтобы ихъ вызвали въ Петербургъ. Они были дѣйствительно вызваны Именемъ Августѣйшаго Командира корпуса Наслѣдника Цесаревича, но на это былъ посланъ отвѣтъ, даже безъ предупрежденія ихъ, что выслать ихъ, за недостаткомъ офицеровъ, не представляется никакой возможности.

Жизнь въ Адрианополѣ была пустая и скучная.

Ознакомившись съ городомъ, мы быстро освоились съ нимъ. Въ городѣ нашли ту же шумную уличную жизнь, какъ и во всѣхъ городахъ, занятыхъ русскими войсками. По вечерамъ всюду раздавалась музыка, и масса всевозможныхъ театровъ, кафе-шантановъ, привлекали къ себѣ публику кончать день. Число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ по перенесеніи туда Главной квартиры. Особенно интереснымъ показался намъ армянскій театръ, съ которымъ, какъ уже сказано, мы познакомились въ первый же день пріѣзда. Въ немъ давались Оффенбаховскія оперетки на турецкомъ языкѣ «La belle Héléne», «Les brigands» и проч.

Для перваго раза, конечно, было странно слышать эти извѣстныя оперетки на турецкомъ языкѣ, слышать, на примѣръ, какъ Прекрасная Елена обращается къ Парису съ выраженіемъ «гельбурда ефенди» и тому подобное, но вѣдь ко всему можно привыкнуть. Все это намъ очень понравилось, и мы основались въ армянскомъ театрѣ, пріѣзжая туда всей компаніей проводить вечера. Компанію нашу составляли: подполковники Сахаровъ, Сологубъ, я, капитаны Сахаровъ и Эккъ, а также ординарцы Главнокомандующаго л.-гв. Гусарскаго полка поручикъ Молчановъ, саперъ, поручикъ баронъ Иксуль-фонъ-Гильдебантъ, Конно-Гренадерскаго полка поручикъ Ивановъ, прапорщикъ Столыпинъ. Иногда къ намъ пристраивались и другія лица.

Сцена помѣщалась въ саду, гдѣ публика сидѣла за маленькими столиками и во время представленія пользовалась мѣстнымъ буфетомъ. Мы устроились съ лѣвой стороны близъ сцены. Нравы въ

этихъ садахъ были очень свободные, допускавшіе всякія школьничества. Съ актерами разговаривали во время представленія, дѣлали имъ всякія замѣчанія, поощряли и порицали игру всякими способами, между прочимъ, на сцену подавалось вино, въ случаѣ неудовлетворительнаго исполненія, въ актера пускалась коробка папиросъ, тарелка и т. п. Все это вызывало только хохотъ и общее поощреніе.

Труппа была довольно слабая; все дѣло держалось въ сущности на одной примадоннѣ армянкѣ Каракашъ, очень хорошенькой собою, съ пріятнымъ голосомъ и не безъ таланта.

Осенью, когда начались дожди и стало свѣжо, мы построили для себя надѣво отъ сцены большую крытую ложу, а за нею комнату для помѣщенія буфета и, конечно, абонировали эту ложу для нашей компаніи. По нашему примѣру, на другой сторонѣ отъ сцены, выросла такая же ложа, затѣмъ къ нимъ начали пристраивать слѣдующія ложи, построили второй ярусъ ихъ, забрали сзади деревянною обшивкою, покрыли весь партеръ потолкомъ, и, такимъ образомъ, въ короткое время, не прекращая представленій ни на одинъ день, устроили крытый театръ.

Число театровъ, какъ уже сказано было, постепенно увеличивалось. Кромѣ армянскаго, французскаго и еще двухъ маленькихъ театровъ въ началѣ ноября открылись театръ Буффъ труппы М-ше Келлеръ, прибывшей изъ Бухареста, итальянская опера и русскій театръ. Помню, что ѣхалъ я какъ-то въ первыхъ числахъ ноября за городъ на пригородныя дачи между городомъ и вокзаломъ. Было это вечеромъ, шелъ дождь, погода стояла холодная, осенняя, было уже темно. По дорогѣ встрѣчаю нѣсколько колясокъ. Въ первой сидѣли дамы, которыя громкими криками остановили меня. Я вышелъ изъ фаятона узнать въ чемъ дѣло, и каково-же было мое удивленіе, когда я узналъ во встрѣчной коляскѣ М-ше Келлеръ. Она очень обрадовалась увидать знакомаго челоуѣка и, жалуясь на свою судьбу, бросившую ее въ такую ужасную погоду, вечеромъ въ незнакомый городъ, съ цѣлою оравкою ея труппы, безъ знакомства съ мѣстнымъ языкомъ, просила помочь ей гдѣ-нибудь устроиться. Я охотно исполнилъ ея просьбу, поѣхалъ съ ними обратно въ городъ и указалъ имъ гостинницу. 8-го ноября эта прекрасная труппа открыла свои представленія опереткой «La fille de M-me Angot», доставившей намъ не малое развлеченіе.

За всѣмъ тѣмъ въ Адрианополѣ была порядочная скука. Всѣ развлеченія, которыми мы тамъ пользовались, давно намъ надоѣли,

да и не могли, понятно, достаточно удовлетворить насъ. Съ утра заняты службою. Къ обѣду всѣ собирались большимъ обществомъ къ Главнокомандующему, вечера проводили въ театрѣ, гдѣ и ужинали. И это изо дня въ день. Обѣды у Главнокомандующаго были характерны своею продолжительностью, такъ какъ словоохотливый генераль Тотлебенъ часто увлекался послѣ обѣда разговорами, безъ конца рассказывая что-нибудь своимъ сосѣдямъ. Разговоры эти развивались еще больше, когда за обѣдомъ присутствовалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, прїѣзжавшій иногда изъ Филиппополя, тоже словоохотливый. Въ этихъ случаяхъ они обыкновенно говорили безъ конца, перебивая одинъ другого и, наконецъ, отворачивались въ разныя стороны и продолжали каждый свой рассказъ къ своимъ сосѣдямъ. Благодаря этому, обѣды были нѣсколько утомительны.

Въ концѣ концовъ тоска овладѣвала все больше и больше. Тянуло домой, а между тѣмъ ничего впереди предвидѣть было нельзя. Оставалось съѣздить въ Россію по крайней мѣрѣ въ отпускъ, которымъ всѣ и воспользовались по очереди. Въ половинѣ октября уѣхалъ Левицкій, за нимъ Сахаровъ, и только по возвращеніи его я могъ рассчитывать на отпускъ, примѣрно въ январѣ. Въ работѣ по прежнему недостатка не было. Я былъ, впрочемъ, занятъ преимущественно журналомъ, безконечно мнѣ надоѣвшимъ.

Не теряя надежды, что всему этому испытанію будетъ когда-нибудь конецъ, я все время былъ озабоченъ устройствомъ дальнѣйшей судьбы своей, что служило предметомъ оживленной переписки съ Петербургомъ. Въ половинѣ октября я узналъ, что Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ выразить свое согласіе на назначеніе меня въ гвардейскій корпусъ, старшимъ адъютантомъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи. На запросъ о томъ, не имѣется ли препятствій къ моему назначенію, сперва порѣшили совсѣмъ отказать, но подъ влияніемъ убѣжденій Сахарова, Левицкій отвѣтилъ, что препятствій не имѣется, но что отпустить меня изъ арміи въ настоящее время невозможно, или развѣ въ случаѣ замѣны другимъ офицеромъ по распоряженію Главнаго Штаба, на что рассчитывать было трудно.

Въ концѣ октября у насъ было маленькое развлеченіе. Прїѣхали два итальянскихъ офицера генеральнаго штаба для осмотра театра войны. По прибытіи ихъ въ Адрианополь они были поручены мнѣ, и вотъ я провозился съ ними три дня. По утрамъ возилъ ихъ для осмотра позицій, турецкихъ укрѣпленій Адрианополя и

войскъ. Въ день ихъ прїѣзда Сахаровъ, Сологубъ и я сдѣлали имъ завтракъ, какъ представителямъ итальянскаго генеральнаго штаба. Вечерами развлекалъ ихъ сообщая съ товарищами въ театрахъ и ужинами. Итальянскій оркестръ театра далъ возможность встрѣтить гостей за первымъ ужиномъ итальянскимъ гимномъ и усладить ихъ слухъ итальянскою музыкою. Прелестная Каракашъ съ достойными ея сподвижницами армянской и французской труппы составляла дамскій персоналъ ужина, произведшій сильное впечатлѣніе на одного изъ итальянцевъ, долго бредившаго подъ вліяніемъ выпитаго вина, по словамъ товарища, обворожительными армянками. На другой день итальянцы охотно пошли въ театръ и съ увлеченіемъ поощряли таланты ихъ. На слѣдующій день мы повели итальянцевъ на балъ, который былъ устроенъ въ пользу болгарскихъ школъ, женою Адрианопольскаго вице-губернатора г-жеи Обуховой. Балъ этотъ весьма удался. Многочисленное общество русскихъ дамъ, армянокъ, гречанокъ составляло прекрасное украшеніе бала. Особое впечатлѣніе на этомъ балу произвела одна барышня-армянка, своею красотою и игравшей на головѣ ея семидесяти-тысячной діадемой.

Въ концѣ концовъ мнѣ не мало надоѣла возня съ ними, и я былъ доволенъ, когда они уѣхали послѣ 4-хъ дней пребыванія въ Адрианополѣ.

Вслѣдъ за итальянцами прїѣхали два датскихъ офицера. Развлекать ихъ было опять-таки поручено мнѣ, и съ ними пришлось повторить ту же программу, что и съ итальянцами. Разница заключалась въ томъ, что это были люди пожилые, и потому всѣ вечернія развлеченія съ ними не были столь игривы, какъ съ итальянцами.

Послѣ прекраснаго теплаго октября со звѣжими лишь вечерами, въ ноябрѣ стала въ Адрианополѣ полная осень. Дни были еще довольно теплые, но начались дожди, было сыро.

Зимой жили достаточно шумно. Было нѣсколько вечеровъ, которымъ покровительствовалъ самъ Главнокомандующій, принимавшій даже личное участіе въ танцахъ. Вечера эти происходили въ помѣщеніи Адрианопольскаго конака, въ которомъ былъ большой залъ, и были сами по себѣ довольно скучны, такъ что мы обыкновенно не выдерживали до конца вечера и уѣзжали куда-нибудь ужинать. Такъ тянулась скучная зима.

Днемъ послѣ обѣда общество выѣзжало кататься за городъ, и тутъ нерѣдко наши большіе генералы галопировали у колеса какой-нибудь коляски. Но всѣ эти удовольствія не могли воз-

наградить безконечно однообразной и пустой бездѣтельной жизни.

Зимою случился эпизодъ, нѣсколько нарушившій наше обычное препровожденіе времени. Послѣ одного изъ представленій въ армянскомъ театрѣ исчезла Каракашъ. Ее, какъ потомъ оказалось, увезли офицеры одного изъ гусарскихъ полковъ въ Филиппополь. Происшествіе чрезвычайное. Представленія въ армянскомъ театрѣ хотя еще и продолжались нѣкоторое время, но дѣло, очевидно, распалось и дальше идти не могло. Компанія наша тоже распалась, и всѣ мы разбрелись по разнымъ театрамъ; у cadaго оказался свой вкусъ. Наибольшимъ успѣхомъ пользовался тогда пантомимный театръ съ удивительными клоунами англичанами и одинъ изъ кафе-штанановъ, куда притягивала хорошенькая венгерка Роза Хорватъ.

Въ началѣ декабря я, наконецъ, дождался отпуска и уѣхалъ на два мѣсяца въ Петербургъ. Отправился вмѣстѣ съ Владиміромъ Сахаровымъ, который поѣхалъ вѣнчаться и больше уже въ армію не вернулся. Поѣхали мы черезъ Константинополь и Одессу. На пути, на одной изъ станцій близъ Адрианополя, въ наше купѣ сѣли два турецкихъ офицера и, разговорившись съ нами, предложилъ намъ попробовать опиумъ въ табакѣ. Я попробовалъ его въ первый разъ, пришелъ въ полусонное состояніе, въ которомъ, помню, все время слышались мнѣ пріятные звуки чудной музыки. Такъ доѣхалъ я до Константинополя. На другой день сѣли на пароходъ и пустились въ дальнѣйшій путь.

Не стану говорить о томъ, съ какимъ восторгомъ ѣхалъ я домой, въ семью, послѣ полутора лѣтъ пребыванія въ Турціи и докучной жизни въ Адрианополь. Въ Петербургъ провелъ я около мѣсяца времени въ самый разгаръ зимняго сезона, наслаждаясь всѣми утѣхами Петербургской жизни. Время пролетѣло быстро, и къ концу отпуска я отправился въ обратный дальній путь съ расчетомъ заѣхать въ Полтавской губерніи къ товарищу Глазенапу жившему тамъ въ имѣніи.

Не даромъ люди придають значеніе всякимъ дурнымъ примѣтамъ и вѣрятъ въ нихъ. Я выѣхалъ изъ Петербурга въ понедѣльникъ, въ дурной день, и дѣйствительно подвергся дорогой всякимъ приключеніямъ. Между Москвою и Курскомъ поѣздъ мой началъ опаздывать вслѣдствіе сильныхъ снѣжныхъ заносовъ и, наконецъ, совершенно остановился въ полѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Курска. Дѣло было ночью. Простоявъ довольно долго на

мѣстѣ, поѣздъ двинулся дальше при помощи трехъ локомотивовъ. Не успѣли мы отѣхать и версты, какъ одинъ изъ вагоновъ сошелъ съ рельсъ—опять продолжительная остановка. Справившись и съ этою бѣдою, мы встрѣтились съ новою—поѣздъ, наконецъ, разорвался. Всѣ эти проволочки привели къ тому, что мы опоздали въ Курскъ на 13 часовъ и пропустили выходявшій изъ Курска не только курьерскій поѣздъ, но и слѣдовавшій за нимъ почтовый. Оставшись въ Курскѣ нѣсколько часовъ, я отправился дальше съ товаро-пассажирскимъ поѣздомъ. Прибывъ въ Бахмачъ, откуда мнѣ надлежало свернуть на Ромны, я долженъ былъ опять-таки переждать нѣсколько часовъ времени поѣзда въ Ромны, тоже засѣвшаго гдѣ-то дорогою въ снѣгу.

Такимъ образомъ, въ Ромны я опоздалъ больше чѣмъ на сутки времени. Для того же, чтобы держаться предположеннаго маршрута на дальнѣйшій путь, мнѣ приходилось пробыть у Глазенапа всего одинъ день, а потому я порѣшилъ остаться у него пять дней и выѣхать изъ Одессы со слѣдующимъ пароходомъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ на пути изъ Роменъ въ Тимофѣевку—имѣніе Глазенапа, на одномъ оврагѣ сани перевернулись, и я былъ выброшенъ.

Проведя особенно пріятно время у Глазенапа, я поѣхалъ дальше, и уже остальной путь былъ совершенъ вполне удачно. Въ Одессѣ провелъ сутки. На пароходѣ первый день сильно качало, но на слѣдующій день море стихло. Въ Константинополѣ, опоздавъ на поѣздъ, довелось остаться на сутки, которые я провелъ со встрѣченными тамъ товарищами Протоповымъ и Эккомъ. Переездъ изъ Константинополя въ Адрианополь закончилъ долгое путешествіе, и на мѣстѣ пришлось вновь втягиваться въ прежнюю жизнь.

Въ Адрианополѣ засталъ я все по старому, съ тою развѣ лишь разницею, что за это время какъ-то еще больше отдались всѣ личной разгульной жизни, что ясно указывало на то, что терпѣніе иссякало. Вся надежда на скорый отѣздъ, котораго долго ждали уже со дня на день, пропала. Погода въ февралѣ стояла теплая. Днемъ выходили въ скуртукахъ, по вечерамъ только одѣвали пальто.

Отпускъ язначительно освѣжилъ меня, и, вернувшись въ Адрианополь, въ старую обстановку, я чувствовалъ себя много бодрѣе, энергичнѣе, чѣмъ прежде, но недолго уже пришлось прожить на мѣстѣ. Вскорѣ былъ командированъ въ Константинополь по службѣ.

25-го февраля мы выбрались, наконецъ, изъ Адрианополя окончательно послѣ полугодового въ немъ пребыванія, покинувъ зло-

получную Турцію. Проживъ три дня въ Константинополѣ, 1-го марта мы отплыли оттуда въ Варну.

Приѣздъ въ Варну поднялъ во мнѣ, конечно, воспоминанія прошлаго, когда ровно годъ тому назадъ былъ въ Варнѣ. 3-го марта прибылъ въ Варну Главнокомандующій, проѣхавшій черезъ Шипку и Шумлу. Городъ, въ день его приѣзда, былъ декорированъ и иллюминированъ. 9-го марта мы сѣли на пароходъ, а 11-го числа, послѣ весьма неприятнаго переѣзда моремъ, на которомъ насъ всѣхъ положительно укачало, мы прибыли въ Одессу. Радостное чувство охватило, помню, при сознаніи, что, наконецъ то, я на русской землѣ и совершенно разстался съ Турціей, въ которой провель безъ малаго два года.

Въ Одессѣ полевья управленія арміи должны были остаться нѣкоторое время, примѣрно до 1-го юня, чтобы кончить дѣла и постепенно расформироваться. Свою работу по составленію журнала я предполагалъ окончить къ 1-му мая.

20-го числа генераль Левицкій, отъѣзжая дней на десять въ Петербургъ вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ и княземъ Имеретинскимъ, взялъ меня съ собою, послѣ чего я вернулся обратно въ Одессу. Въ Одессѣ цѣлые дни были заняты въ штабѣ, вечера же проводили или на бульварѣ въ театрѣ, или въ городскомъ саду.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы окончили всю работу и перебрались въ Петербургъ, гдѣ я былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военного округа.

Такъ окончилось участіе мое въ Турецкой войнѣ, не мало работавшей меня для предстоящей службы и оставившей неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь и лучшія воспоминанія, несмотря на всѣ перипетіи, пережитыя за этотъ періодъ времени.

Ф. Тершельманъ.

